

ТОПОС ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ЛИТЕРАТУРЕ XX – XXI ВЕКОВ

Современное литературоведение все чаще обращается к проблеме культурных констант, стереотипов, в качестве которых могут выступать так называемые фреймовые структуры, соотносящиеся с вечными сюжетами, культурные универсалии, а также топосы. Семантика данного термина весьма размыта, что обусловлено тенденцией современной науки к «стиранию» границ между различными областями знания. Так, в культурологии под топосом понимают устойчивое, регулярно воспроизводимое в произведениях культуры образование, обладающее символическим значением. А. А. Булгакова отмечает, что в культуре топики представляет собой «систему имплицитных, обладающих устойчивым набором смыслов образов, связанных с культурной памятью» [3, с. 26]. Литературоведческая трактовка во многом связана с культурологическим пониманием термина, при этом указывается, что «специфика топосов в ряду общих мест заключается в присущем им пространственном значении» [1, с. 27]. Таким образом, в литературе топос осмысливается как устойчивая формула, общее место в произведениях разных эпох, обладающее пространственной семантикой.

В переходные периоды истории, ознаменованные аксиологическим кризисом, актуализируется топос «мир», который может быть представлен различными субтопосами: мир-море, мир-сад, мир-книга (или в современной модификации мир-библиотека). По мнению М. Фуко, топосы гетеротопии – это «пространства, которые рефлексированы; <...> пространства, связанные со всеми остальными пространствами» [10, с. 193]. Поэтому топос может быть охарактеризован как сосредоточение смыслов, «хранилище» культурной памяти.

Данное положение в высшей степени актуально для образа мир-библиотека: реальное пространство библиотеки служит «вместилищем» книг, при этом функционирование ее возможно лишь при наличии воспринимающего сознания – читателя. Таким образом, пространство библиотеки включает в себя, с одной стороны, пространство книги (с различными субпространствами, представленными в тексте самой книги), с другой стороны, пространство читателя. При этом возможно их соединение в процессе диалога, как следствие, образование некоего третьего пространства. Такого рода гиперпространство явилось порождением литературы переходности: представление о мире как библиотеке отсылает к древнему пониманию мира как текста, в эпоху христианства – Логоса, то есть

гармонизирующего начала. Следовательно, использование топоса «библиотека» может рассматриваться как попытка преодолеть точку неравновесия, перейти от хаоса к гармонии.

Объектом нашего внимания стал топос «библиотека», представленный в произведениях XX–XXI веков. Этот период насыщен различного рода историческими «взрывами», катаклизмами: 20–30-е гг. XX века – время, когда страны Западной Европы страдают от последствий Первой мировой войны (так называемая «великая депрессия» – мировой экономический кризис, длившийся около десяти лет), в России устанавливается тоталитаризм, сопряженный с массовыми репрессиями; начало 30-х – 40-е годы – приход к власти Гитлера, Вторая мировая война; ускорение темпов научно-технической революции, изобретение ядерного оружия; 60-е годы – мировоззренческий переворот, связанный с выходом человека в открытый космос («космический прорыв»), кроме того мир охвачен паникой, связанной с «холодной войной» между мировыми державами; 90-е годы – изменение политической карты мира, распад СССР; начало XXI века – появление международного терроризма.

Такого рода потрясения не могли не сказаться на человеке, который как никогда ощутил катастрофизм бытия. Философы и писатели стали своего рода пророками, пытающимися отыскать закономерность в истории, найти точку опоры, дать человечеству некий мировоззренческий ориентир. Отсюда – появление в произведениях художественной литературы топоса «библиотека», представляющего собой «обращение к архетипическим представлениям о единстве мира, восстановление единства мира в переходную эпоху» [3, с. 33]. Однако данный топос интерпретируется в произведениях разных писателей по-разному, что обусловлено двойной функцией топоса: «с одной стороны, обладая известной автономностью, топос является аккумулятором культурной памяти, с другой стороны, будучи интегрированным в другой текст, вступив в диалог с воспринимающим творческим сознанием, топос участвует в порождении новых, индивидуальных смыслов» [1, с. 27]. Появление новых смыслов сигнализирует об изменениях, происходящих в общественном сознании. Так, если в литературе первой половины XX века библиотека преимущественно выступает как собственность индивидуального сознания, то начиная с 70-х годов превалирует топос коллективной библиотеки. В русской традиции рубежа веков наблюдаем тенденцию циклического движения топоса «библиотека»: коллективная – индивидуальная – коллективная (естественно, при этом содержательная составляющая данного топоса трансформируется).

Топос индивидуальной библиотеки представлен в повести С. Д. Кржижановского «Клуб убийц букв» (1926). Библиотека находится в квартире одного из героев, но особенность ее – в несуществовании. В помещении библиотеки раз в неделю проходит заседание клуба убийц букв,

авторов книг, которые никогда не будут написаны: «Что ж, и для вашей истории найдется место в нашей несуществующей библиотеке» [7, с. 36]. Важным в данном случае является не физическое существование библиотеки, а ее жизнь в сознании человека: «Удалось. Я мысленно перевернул страницу-другую. <...> У меня не было ни денег, ни охоты ходить теперь за буквами к книжным ларям и в лавки букинистов. Я вынимал их – буквы, слова, фразы – целыми пригоршнями из себя: я брал свои замыслы, мысленно оттискивал их, иллюстрировал, одевал в тщательно придуманные переплеты и аккуратно ставил замысел к замыслу, фантазм к фантазму, – заполняя покорную пустоту, вбивавшую внутрь своих деревянных досок всё, что я ей ни давал» [7, с. 10]. Особенность индивидуальной библиотеки в ее недоступности для пользования другими людьми, ее обладатель становится выше рядового человека, выше массы, превращаясь в элиту. Идея элитарности искусства, в том числе и литературы, характерна для модернистских течений XX века. Отказ от реалий существующего мира закономерно влечет за собой «уход» в мир мыслей, отсюда образ несуществующей библиотеки.

Подобная сюжетная ситуация разворачивается в романе Э. Канетти «Ослепление» (1935). Главный герой – профессор-синолог Кин, обладатель огромной библиотеки, занимающей большую часть его квартиры: «Все стены были до потолка облицованы книгами. Окна в стенах были замурованы много лет назад, после жестокой борьбы с домовладельцем. Таким образом, он приобрел в каждой комнате четвертую стену – лишнее место для книг. Каждый день, садясь за письменный стол, он благословлял эту счастливую идею и упорство, которому был обязан исполнением высшего своего желания – обладать богатой, упорядоченной и замкнутой со всех сторон библиотекой, где ни лишний предмет мебели, ни лишний человек не отвлекут его от серьезных мыслей» [5]. В данном случае представлена реальная библиотека, ее обладатель не просто гордится тем собранием книг, которым обладает, он упивается идеей своего существования в мире книг, который позволяет уйти от реальности. Однако вскоре герой вынужден покинуть свой дом. Кин не может существовать вне книг, поэтому отправляется в «паломничество» по книжным магазинам, собирая по крупицам, восстанавливая свою библиотеку: «Обладая нерушимой памятью, он носил всю новую библиотеку в голове» [5]. Идеи двух произведений, написанных почти в одно время, достаточно близки: мир – индивидуальная библиотека, содержащая потенциал, открывающийся лишь избранным, тем, кто библиотекой владеет, – таково представление героев С. Д. Кржижановского и Э. Канетти. Таким образом, индивидуальная библиотека представляет собой не столько коллекцию книг, сколько их восприятие, ту информацию, которую герои получают из книг, фильтруют, рефлексиируют над книгой и лишь после этого избранный материал сохраняют в своей голове.

Противоположное отношение к библиотеке находим в произведениях писателей-постмодернистов, например, в романе У. Эко «Имя Розы», основное действие которого разворачивается в стенах библиотеки-лабиринта. Отметим, прежде всего, что перед нами библиотека коллективная, несмотря на некоторые оговорки относительно того, каким объемом хранящейся литературы может пользоваться каждый из монахов: «Библиотека родилась из некоего плана, который пребывает в глубокой тайне, тайну же эту никому из инок не дано познать <...>. Только библиотекарь имеет право двигаться по книжным лабиринтам, только он знает, где искать книги и куда их ставить, только он несет ответ за их сохранность. Он единолично решает, когда и как предоставить книгу тому, кто ее затребовал, и предоставить ли вообще» [12, с. 26]. Нежелание слепого монаха Хорхе, хранителя библиотеки, допустить открытие тайны второго тома «Поэтики» Аристотеля может быть объяснено ограниченностью его сознания рамками христианской идеологии. Тем не менее, библиотека становится местом, порождающим коллективную истину, хотя и ограниченную, скованную стереотипами. Пожар в библиотеке можно интерпретировать как метафорическое воплощение постмодернистского отказа от ценностей предыдущих эпох, стремления к антиавторитарности, из чего закономерно вытекает утверждение множественности истины. Отсюда акцент на топосе коллективной библиотеки.

Стоит обратить внимание именно на реальное, а не идеальное существование книги в библиотеке, т. е. материально книга существует (в отличие от произведений первой половины XX века), но новые смыслы фактически отсутствуют, что в полной мере отражает «характер самой действительности (эпоха “подмен” и “лицедейств”), где современный герой не изобретает новое, а цитирует, обыгрывает старое» [8, с. 23].

Традиционные ценности подвергаются пересмотру в каждый из переломных моментов развития истории; книга, которая была культурным символом «эпохи Гуттенберга», постепенно исчезает, сдавая свои позиции новым носителям информации. Изменяется и отношение к накопленным культурным ценностям: если писателями первой половины XX века материальное исчезновение книги осмысливается как своего рода катастрофа, преодоление которой возможно лишь при сохранении книги в сознании человека, то писатели-постмодернисты считают, что исчезновение книги, а значит, и авторитетов, позволяет открыть множественность подходов к истине, обращение к уже написанному ограничивает свободу мысли каждого человека, потенциального автора.

Топос коллективной библиотеки-музея находим в повести Т. Хюрлимана «Фройляйн Штарк». Библиотека становится местом, где проходят последние перед поступлением в семинарию каникулы главного героя. Данный топос представляет собой, с одной стороны, кладбище

потерявших свою актуальность объектов, с другой стороны, музей, «в котором собраны некоторые символические ценности» [11]. У Т. Хюрлимана библиотека также символизирует систему ценностей эпохи постмодернизма: духовность уступает свои позиции телесности, место, считавшееся сакральным, для юного героя связывается с наслаждением красотой дамских ног, а ценности экономки, Фройляйн Штарк (нравственность, порядочность), и дядюшки, утверждавшего, что Слово – есть единственная истина, остаются в прошлом. В данном случае библиотека представляет собой архив, становящийся местом хранения информации «до востребования». У. Эко размышлял по этому поводу: «Архивы, библиотеки и есть те самые морозильные камеры, где мы храним память, чтобы не засорять культурное пространство всякой дребеденью, но и не отказываться от нее совсем. В будущем мы всегда сможем к ней вернуться, если сердце прикажет» [6].

Трансформация традиционных истин, утверждавшихся в произведениях классической литературы, может быть изображена посредством «движения» топоса «библиотека». Остановимся на некоторых примерах из русской литературы рубежа XX–XXI веков. Невостребованность книги в современном мире изображает О. Богаев в комедии «Мертвые уши» (1995). Отсылка к поэме Гоголя, с одной стороны, подтверждает постмодернистский принцип цитатности и интертекстуальности, с другой стороны, настраивает на определенный сюжет. Интересно, что гоголевский текст в произведении отсутствует, но в числе персонажей появляется сам Гоголь (наряду с Пушкиным, Толстым и Чеховым). Ситуация такова: закрывают невостребованную библиотеку, и классики русской литературы обращаются к Эре Николаевне, «крепкой женщине», за помощью, просят ее записаться в число читателей: «Чехов. Послушайте, дорогая Эра Николаевна... будьте милосердны. Вы единственный умный человек во всем районе... Запишитесь в библиотеку. <...> Дело обстоит следующим образом... Крайне нужен хотя бы один читатель и мы спасены... <...> С Нового года стеллажи на склад, а нас в огонь. Кому повезет, того в подвал» [2]. Героиня приобщается к книге, начинает читать, но библиотеку это не спасает. Показателен финал произведения: «Сквозняк раздувает огонь, Эра Николаевна не может подняться. <...> Шелест страниц. Заскрипели буквы. Лопнули шелковые нити. Книги набухают, как дрожжевое тесто. Это не склад боеприпасов – книги разрываются огнем одна за другой. Огонь кружит по комнате. За окном падает черный снег или это типографский наборщик пошутил с крыши? В пламени скачет медный всадник, шинель размахивает пустыми рукавами, детство-отрочество-юность стоят, прижавшись друг к другу, горящая чайка бьётся в окно» [2]. Финал апокалиптичен: небольшое количество читателей, спасающих книгу, а вместе с тем и традиционные гуманистические ценности, стремящихся отыскать путь к гармонии в мудрости прошлого, не могут противостоять бесчисленному количеству тех,

кто отказался от литературы. Коллективная библиотека, таким образом, не может продолжать своего существования: потребность в ней исчезает ввиду отсутствия читателя, собирающего собственную библиотеку в своем мыслительном мире.

Динамика топоса «библиотека» представлена в романе Т. Толстой «Кысь» (2000). Одним из основных мотивов произведения является мотив книги: Бенедикт, главный герой романа, – переписчик. Любопытно, что каждое из произведений, предназначенных для переписывания, принадлежит одному автору – Федору Кузьмичу, главе государства, «наибольшему мурзе», хотя налицо «плагиат»: «якобы»-автор находит в своей библиотеке книги классиков русской литературы, уцелевшие после Взрыва, приписывает их авторство себе и таким образом обретает известность: «А уж весна на носу. Вот и Федор Кузьмич сочинил: “О весна без конца и без краю! Без конца и без краю мечта”» [9, с. 23]. Итак, динамика топоса «библиотека» выглядит следующим образом: книги, некогда являвшиеся достоянием великой державы, исчезнувшей после Взрыва, то есть представлявшие собой коллективную библиотеку, становятся индивидуальной собственностью Федора Кузьмича (личная библиотека). Этот сюжетный ход может быть интерпретирован как изображение фольклоризации сознания современного человека, который активно использует цитаты из литературных произведений, кино, рекламы, сам того не осознавая. Кроме того, каждый человек в условиях современного мира становится автором, особенно ярко это демонстрирует глобальная сеть: «Интернет важен для современного общества своим интерактивным компонентом. <...> Позволяет не только “услышать” или “увидеть”, но и “сказать в ответ”» [4, с. 800].

Далее библиотека вновь переходит в ранг коллективной: переписчики, трудящиеся в Рабочей Избе, собственно и создают ее. У книг появляется читатель – главный герой романа, Бенедикт. Таким образом, библиотека вновь становится индивидуальной. Такого рода движение закономерно влечет за собой серьезное искажение как смысла произведений, так и самого процесса чтения. Бенедикт буквально «упивается» книгой, при этом ему абсолютно все равно, что читать: «Вопросы литературы», «Картофель и овощи» или «Задумчивое слово». На первый взгляд кажется, что приобщение к миру печатного слова «разбудит» Бенедикта, откроет ему глаза на реальность (такая ситуация характерна для произведений начала XX века), однако для героя чтение становится целью, а не средством. По сути, чтение Бенедиктом книг представляет собой процесс создания своеобразного каталога: герой пытается прочесть максимально возможное количество изданий, обращает внимание исключительно на содержание, развитие сюжета. При этом переход к следующему этапу создания каталога не происходит: Бенедикт не может классифицировать тексты, объединить их в группы, поэтому единственно возможный способ упорядочения – по

алфавиту. Своего рода алфавитный каталог представляет собой и сам текст романа Т. Толстой, главы которого названы буквами старославянского алфавита. Таким образом, писателем утверждается идея мира как библиотечного каталога.

Топос «библиотека», актуализирующийся в творчестве писателей переломных исторических периодов, выступает в качестве кода культурной памяти. В ситуации начала XX века отказ от книги воспринимался как катастрофа, поэтому персонажи произведений, написанных в данный исторический период, стремятся сохранить книгу в своем сознании. Зачастую такой сюжетный ход обусловлен творческой биографией автора, как в случае с С. Д. Кржижановским, который в условиях жесткой цензуры был вынужден фиксировать замыслы ненаписанных книг. Только так можно сохранить память прошлого во имя будущего. В случае с романом Э. Канетти приходится говорить об отсутствии положительной перспективы личной библиотеки: его герой поджигает себя и сгорает вместе с книгами. Писатели-постмодернисты, отрицая всяческие авторитеты, обращаются к топосу коллективной библиотеки, который, с одной стороны, является отражением антиавторитарности взглядов, а с другой, утверждает идею коллективного авторства. Отказ от книги воспринимается как явление закономерное и правомерное. На рубеже веков динамика топоса «библиотека» отражает изменение аксиологической составляющей мировоззрения: книга либо перестает существовать, погибает, либо ее смысл подвергается серьезной трансформации, упрощению. Топос «библиотека», таким образом, может расцениваться как «сгусток» информации о памяти прошлого.

Литература

1. Автухович, Т. Е. Топика в смене литературных эпох / Т. Е. Автухович // Поэзия риторики: очерки теоретической и исторической поэтики – Минск: РИВШ, 2005. – С. 26-84.
2. Богаев, О. Мертвые уши / О. Богаев [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа: http://www.theatre.ru/drama/bogaev/ushi_1.html. – Дата доступа: 10.08.2015.
3. Булгакова, А. А. Топика в литературном процессе / А. А. Булгакова – Гродно: ГрГУ, 2008. – 107 с.
4. Друк, В. Автор 2.0: Новые вызовы и возможности / В. Друк // Новое литературное обозрение. – 2009. – №100. – С. 800-819.
5. Канетти, Э. Ослепление / Э. Канетти [Электронный ресурс] – 2010. – Режим доступа: http://royallib.com/book/kanetti_elias/osleplenie.html. – Дата доступа: 18.09.2015.
6. Карьер, Ж. К. Не надейтесь избавиться от книг / Ж.-К. Карьер, У. Эко [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://shvedenko.mnogopesen.ru/papers/eco_books/. – Дата доступа: 14.09.2015.
7. Кржижановский, С. Д. Клуб убийц букв / С. Д. Кржижановский // Собрание сочинений в 5 т. – М.: Simposium, 2001. – Т.2. – С. 5-262.

8. Новикова, Н. Л. Модернизм и постмодернизм: к проблеме соотношения / Н. Л. Новикова, И. В. Трemasкина // Вестник Томского Государственного Университета. Культурология и искусствоведение. – №2. – 2011. – С. 19-25.
9. Толстая, Т. Кысь / Т. Толстая – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 320 с.
10. Фуко, М. Другие пространства / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью – М.: Праксис, 2006. – Ч.3 – С.191-205.
11. Хюрлиман, П. Фройляйн Штарк / П. Хюрлиман [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://royallib.com/book/hyurliman_tomas/froylyayn_shtark.html. – Дата доступа: 14.08.2015.
12. Эко, У. Имя Розы / У. Эко – Мн.: РИФ «Сказ», 1993. – 528 с.